

БЫТЬ СОВРЕМЕННОКОМ!

СЕГОДНЯШНИМИ ГЛАЗАМИ

Театр — кафедра, театр — трибуна. Эти слова повторяются очень часто. И все-таки именно от них хочется оттолкнуться в разговоре по поводу гастролей Львовского театра Советской Армии.

Свои гастроли в Минске театр начал спектаклем «Русские люди». Только что, в дни празднования 20-летия Победы, он сыграл его в Кремлевском театре. А 12 мая — в Минске.

Пьеса Константина Симонова «Русские люди» была написана 23 года назад, в самые тяжелые дни Великой Отечественной войны. Советская Армия отступала. Фашисты истязали, истребляли мирных людей. Тогда и появилась пьеса «Русские люди», где писатель призывал к возмездию.

После окончания войны прошло 20 лет. Был Нюрнбергский процесс, на котором главные фашистские преступники понесли заслуженное наказание. Сегодня часть Германии стала социалистической, дружественной нам.

Что же может нынче волновать нас в пьесе Симонова «Русские люди»? Львовский театр (постановщик — главный режиссер, заслуженный деятель искусств ТАССР И. Петровский) нашел то единственное зерно в пьесе, которое и сегодня дает всходы, рождает мысли о современности, предупреждает от страшной угрозы миру со стороны тех, кто пытается возродить фашизм.

..На сцене комендант города Розенберг (заслуженный артист АзССР, лауреат Государственной премии Б. Чиикин) и хозяйка дома, где поселились немцы. Мария Николаевна (артистка М. Корчагина). Тихо в квартире, никто не кричит, не стреляет. Горит лампа, позванивает посуда, которую Мария Николаевна собирает к столу.

Но в этой тишине идет смертельная борьба двух философий.

На спектаклях Львовского драматического театра Советской Армии

Розенберг очень деятелен, любопытен и почти предупредителен с хозяйкой. «Солдат любит, когда ему наливают чай женские руки», — говорит он Марии Николаевне, с интересом наблюдая за ней. Очень пристально наблюдает. Это сейчас его основное занятие. И не только сейчас. Розенберг «изучает» русский народ. Он придумал целую систему экспериментов по изучению нации и проводит их с немецкой пунктуальностью.

«Можем мы доверять этой тихой женщине, или она тоже ненавидит нас?» — думает Розенберг, следя за Марией Николаевной.

А она рассеянна, угнетена. Опустив голову, тихо движется по комнате. Лицо ее бесстрастно, а душу точит и жжет мысль о том, как мог стать предателем ее муж.

Розенберг приступает к своему эксперименту. Сейчас он покажет Марии Николаевне солдатскую книжку ее убитого сына. Что сильнее проявится в женщине — страх, повинные или материнское горе? Это решит ее судьбу.

Он даже не жесток, этот фашист, он просто бесчеловечен. Он всерьез озабочен проблемой, нельзя ли изменить естественную человеческую природу, чтобы человек радовался, предавая друзей, ликовал, опуская в могилу своего ребенка. Тогда легче будет повелевать.

Но эксперимент Розенбергу не удастся. Победу над ним одерживает советская женщина. Одерживает раньше, чем убивает его. Раздавленная новым горем, под открыто излучающим взглядом фашиста, Мария Николаевна находит в себе силы сказать почти спокойно: «Так вам налить чаю?» — и с таким же спокойным лицом, не дрогнув, наливает отравленный чай и предателю-мужу.

Театр разоблачает бесчеловечность фашистской философии. Сегодня фашисты и те, кто идет по их стопам, сжигают не русские села, пытаются и убивают не русских людей. Но во Вьетнаме, в Африке, в Латинской Америке пылают их костры, продолжают их зловещные эксперименты. А где-то они забились в щели, хитро маскируются. Фашизм еще жив, и сущность его все та же — античеловечность. И сегодня это главная опасность в мире.

Спектаклем «Русские люди» Львовский театр ведет огонь по самой большой цели. Поэтому и находит живой отклик в зрительном зале.

То же самое мы видим в спектакле «Перебежчик» (постановка народного артиста УССР, лауреата Государственной премии А. Аркадьева). И здесь ключевой становится сцена, где сталкиваются лицом к лицу два мировоззрения, два отношения к жизни. Сюда режиссер подтягивает глав-

ные силы: свой темперамент, свой гражданский пафос.

Умение остро выявлять социальный конфликт, подчинять его решению весь спектакль — почерк режиссуры Львовского театра. В своих лучших постановках она утверждает: нет ничего важнее для человека, чем его убеждения, его идеи. За них нужно бороться, можно отдать жизнь.

РАСЧЕТ НЕ ОПРАВДАЛСЯ

Верность военно-патриотической теме естественна для театра Советской Армии. Но не так-то уж много хороших пьес на эту тему. А за 35 лет существования театра все хорошие пьесы не раз игрались на его сцене. Значит, надо открывать новые.

Львовский театр открыл такую пьесу — «Денис Давыдов». Всем требованиям, кажется, удовлетворяет она: посвящена войне, много патристических монологов и, кроме того, — «костюмная», а значит, будет делать сборы.

Костюмы в пьесе «Денис Давыдов» в самом деле яркие, дразнящие — красивые ментики гусар, синие мундиры французов, эполеты, аксельбанты, декольте.

Костюмы есть. А пьесы нет. В самом прямом смысле — нет такой пьесы «Денис Давыдов». Никто ее не писал. Есть историческая хроника В. Соловьева «Фельдмаршал Кутузов» и есть оперное либретто «Денис Давыдов» — тоже В. Соловьева. Кто-то отважный взял ножницы, вырезал куски оттуда и отсюда, слепил их вместе и дал сему произведению несколько туманное название — «героическая музыкальная драма».

Но поскольку эту дикую операцию проводили, видимо, не очень опытные в литературе руки, то в пьесе «Денис Давыдов» так и остались существовать две стихии: драматическая и оперная. Сцены с Кутузовым, изъятые из «Фельдмаршала Кутузова» Соловьева, играют по всем законам драмы (кстати, они лучшие в спектакле), а в сценах с Денисом Давыдовым и его друзьями-гусарами властвуют уже законы оперы: действие замедленно, необходимы музыка, пение для полноты характеристик.

Актеры и поют. Правда, у оперных певцов это получается все же лучше.

Требуется бешеный темперамент, чтобы в драме наполнить жизнью эти статичные сцены. Но бешеного темперамента нет. Актеры скучают на сцене. А в зале скучают зрители.

Правда, был в спектакле момент, когда зрители вдруг ожили и впилась глазами в лица актеров. На сцене происходило невероятное: в гостинице помещика Масленникова крепостная девушка Настя шла грудью на хозяина дома, сверкая очами и рас-

певая патриотическую песню. Она грозно наступала на французских офицеров, гостей Масленникова. И те жались к углам, не то испуганные, не то изумленные.

Зрители были тоже изумлены: «Вроде бы не из той оперы, то есть не из той эпохи эта Настя!? Такой Насте красную бы косыночку, да кожаную куртку».

Так не «осовременивают» пьесы! Нет, не оправдался расчет театра на «костюмную» пьесу. Театр — не антикварная лавка. Нынче старинные костюмы люди ходят смотреть в музеи. А от театра они ждут горячего слова о сегодняшнем дне, о проблемах нашего времени. Даже в исторических пьесах.

ГДЕ ГЕРОЙ?

Критики озабочены. «Где герой?» — ищут они на страницах книг, на экране, на сцене. Где нынешний Чапаев, Давыдов, Мересьев? Ведь жизнь наша полна героев и героического. Почему же не видно их в литературе, на сцене?

Одна из последних попыток создать в драматургии образ героической, сильной личности — пьеса М. Маклярского и К. Рапопорта «Прессаташе в Токио», пьеса о Рихарде Зорге.

Львовский театр показал ее на гастролях. К сожалению, в этой «героической драме» больше детектива, чем психологии. Легендарный доктор Зорге выглядит сверхчеловеком.

Его играет в спектакле артист Л. Кисловский. С первых же сцен он поражает нас своим безмятежным спокойствием. И странно, за этим спокойствием мы не ощущаем тревоги, смертельной опасности, которой ежедневно, ежедневно подвергается мужественный советский разведчик. Артист с таким старанием играет самообладание Зорге, что, помимо этого, ничего другого в нем не удастся разглядеть.

Нет, не сверхчеловека хотели бы мы увидеть на сцене. Это герой буржуазной литературы. Наш герой — это сосредоточение самых высоких нравственных качеств людей своего времени. Открытием его прославилась русская литература еще в XIX веке. Сейчас для такого героя наступило особенно благоприятное время. Мы готовим себя к коммунизму, мы спрашиваем с себя по самым высоким меркам.

Львовский драматический театр привез в Белоруссию на гастроли не только те спектакли, о которых здесь говорилось, но и «Мой бедный Марат» А. Арбузова и «Еще раз про любовь» Э. Радзинского. Но в Минске их не играл.

Может быть, мы и увидели бы в не показанных нам спектаклях львовя того героя нашего времени, которого жаждали видеть. Может быть, в них театр с еще большей силой и талантом выявляет свое стремление быть современником.

Д. МАНАЕВА.

Редактор А. К. ЗИНИН.

редакции — 6-36-24; редактора — 6-19-52; заместителя редактора — 6-16-61; заместителя редактора — 6-36-04; ответственный редактор — 6-17-74; отдела промышленности и транспорта — 6-24-02; отдела строительства и профсоюзной жизни — 6-17-74; отдела промышленности и транспорта — 6-24-02; отдела строительства и профсоюзной жизни — 6-38-94, отдела писем и массовой работы — 6-37-23; 6-19-22; 6-02-64; издательства «Звезда» — 6-26-18; ф

Типография издательства «Звезда»

СОВЕТСКАЯ БЕЛОРУССКАЯ

Г. Минск

25 МАЯ 1965